Тексты для написания сочинения ОГЭ 9.2 и 9.3. Тексты для подготовки к ОГЭ. Задание 9.2 и 9.3 **по русскому языку.** Автор: Логачева Лариса Владимировна

Нравственный выбор

1)Ребята ушли со двора, собирают походное снаряжение. (2)Остался один Гоша. (3)Дежурит у подъезда и ждёт кого-то…

(4)Вот наконец она появилась. (5)Загадочное существо тринадцати лет, невероятная красавица с улыбкою до ушей, с золотыми глазами, с тонюсенькой талией. (6)Верочка.

– (7)Привет, — говорит Верочка и поёживается. — (8)Холодно ещё… (9)Дай куртку.

(10)Гоша накидывает ей на плечи курточку, остаётся в одной майке, и кожа на его руках покрывается пупырышками.

– (11)Тебе отец из Англии чего-нибудь привёз?

– (12)Ага. (13)Вот, смотри, транзистор.

– (14)А матери привёз чего-нибудь? (15)Духи, например? (16)Принеси посмотреть.

– (17)Но как же я… (18)Вера, мне же… (19)Ну, неудобно…

– (20)Тогда становись на голову. (21)Ну?!

– (22)Брось, Верк… (23)Не надо…

– (24)Сейчас же встань на голову!

– (25)Ну, пожалуйста… (26)Гоша подходит к стене, опускается на четвереньки и после нескольких неудачных попыток делает стойку. (27)Верочка наблюдает за ним сурово, как тренер.

– (28)Кто главный? — спрашивает она.

– (29)Ну, ты…

– (30)Перевернись. (31)И тащи духи. (32)А то заставлю стоять на голове целый день!

(33)Вытирая ладони о свою майку, Гоша топчется беспомощно, моргает, но Верочка

неумолима. (34)И тогда, отдав ей транзистор, Гоша плетётся к себе в квартиру.

(35)Торопливые шаги на лестнице, голоса: выбегают на двор Серёжка и Павлик, одноклассники Гоши, с удочками и с какой-то картонной, но грозного вида трубой.

– (36)Это ракета, — сообщает Серёжка внушительно. — (37)В лесу запустим.

(38)Верочка снисходительно наблюдает, как мальчишки возятся с ракетой, как бережно кладут её на ступеньки подъезда, а сами отправляются за рюкзаками.

(39)Дождавшись, когда мальчишки скрылись на лестнице, выходит на двор Гоша. (40)Оглядывается, протягивает Верочке голубой блестящий флакон.

(41)Гоша немного сердит: он не хотел брать этот флакон, выносить его потихоньку, но Верочка заставила. (42)Ей, видите ли, своя прихоть дороже. (43)И Гоша теперь сердит и почти свысока разговаривает с Верочкой: (44)«На, смотри, если хочется…»

(45)Верочка понимает его состояние. (46)И ей не нравится, что Гоша разговаривает свысока. (47)Лицо у Верочки становится задумчивое. (48)Она склоняет голову набок, прищуривается. (49)Прежде, года три назад, с таким выражением Верочка кидалась драться (и дралась почище мальчишек). (50)Теперь она не дерётся. (51)Есть другие способы.

(52)Она нехотя берёт голубой флакон.

– (53)Так, понятно… (54)А спички у тебя есть?

– (55)Спички?.. (56)Ну, в куртке… посмотри в кармане.

– (57)Ага. (58)Теперь поджигай этот хвост! — (59)Верочка показывает на оставленную мальчишками ракету.

– (60)Зачем?.. — ничего не соображая, бормочет Гоша. — (61)Что это?

– (62)Бомба. (63)Пусть бабахнет.

– (64)Ну!.. — растерянно бормочет Гоша. — (65)Это…

– (66)Кто главный?

– (67)Верка, перестань!

– (68)Ах, так? — (69)Вера чиркает спичкой и подносит огонёк к ракетному хвосту. (70)Наконец что-то зашипело, заскворчало, как масло на сковородке…

– (71)Верка! (72)Отойди!..

(73)Верочка демонстративно стоит над чадящей картонной трубой. (74)И тут я вижу начало подвига, его свершение и конец. (75)Гоша, оцепеневший от ужаса Гоша, прижавшийся к стене с перекошенным лицом, тихий, застенчивый и боязливый Гоша вдруг отталкивает Верочку и — плашмя, животом — падает на ракету.

(По Э. Шиму) *

* *Шим Эдуард Юрьевич (Эдуард Юрьевич Шмидт) (1930—2006 гг.) — русский писатель, драматург, автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.*

Материнская любовь

(1)Толя осени не любил. (2)Не любил за то, что опадали листья и «реже солнышко блистало», а больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

(3)Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных дорожках, а дождь заколачивал и заколачивал что-то в крышу… (4)Но мама не удерживала Толю дома, а даже поторапливала. (5)И Толя почувствовал, что теперь он совсем большой: папа тоже ходил на работу

в любую погоду!

(6)Мама вынула из шкафа зонтик и белый плащ, который Толя тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

– (7)Ты куда? — удивился Толя.

– (8)Тебя провожу.

– (9)Меня… провожать? (10)Что ты?

(11)Мама вздохнула и положила приготовленные вещи обратно в шкаф.

(12)Толе очень нравилось бежать в школу под дождём. (13)Один раз он обернулся и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. (14)На улице было много плащей и зонтиков, но маму он узнал сразу. (15)А она, заметив, что Толя обернулся, спряталась за углом старого двухэтажного дома.

(16)«Прячется!» — сердито подумал Толя. (17)И побежал ещё быстрей, чтоб мама не вздумала догонять его.

(18)Возле самой школы он обернулся ещё раз, но мамы уже не было.

(19)«Вернулась», — с облегчением подумал он.

(20)На торжественной линейке ученики строились по классам. (21)Молодая учительница проворно смахивала с лица мокрые прядки волос и кричала:

– (22)Первый «В»! (23)Первый «В»!

(24)Толя знал, что первый «В» — это он. (25)Учительница повела ребят на четвёртый этаж.

(26)Ещё дома Толя решил, что ни за что не сядет за парту с девчонкой. (27)Но учительница, словно шутя, спросила его: — (28)Ты, наверное, хочешь сесть с Черновой, да?

(29)И Толе показалось, будто он и правда всегда мечтал сидеть рядом с Черновой.

(30)Учительница раскрыла журнал и начала перекличку. (31)После переклички она сказала:

– (32)Орлов, прикрой, пожалуйста, окно.

(33)Толя сразу вскочил и подошёл к окну, но дотянуться до ручки ему было нелегко. (34)Он приподнялся и вдруг замер на цыпочках: за окном он неожиданно увидел маму. (35)Она стояла, держа в руках сложенный зонтик, не обращая внимания на дождь, который стекал с плаща, и медленно водила глазами по окнам школы: мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит её Толя.

(36)И тут он не смог рассердиться. (37)Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу,

помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть: (38)«Не волнуйся! (39)Не волнуйся, мамочка… (40)Всё хорошо!» (41)Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается.

(По А. Алексину) *

* *Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) — писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.*

Дружба

(1)Мы с мамой переехали в этот дом недавно. (2)Самое интересное здесь — двор. (3)Он большой, зелёный, есть где играть и в мяч, и в пряталки, и в разные другие игры. (4)Ребята играли почти каждый день, особенно летом. (5)И я постепенно перезнакомился с ними, и все мы относились друг к другу по-хорошему.

(6)Потом меня стали назначать судьёй в волейбольных встречах. (7)Судить никто не любил, все хотели играть, а я — всегда пожалуйста: как не помочь друзьям?.. (8)А бывало, что на широком крыльце соседнего деревянного дома мы играли в шахматы и лото.

(9)Изредка ребята приходили ко мне домой. (10)Пластинки слушали, играли моей железной дорогой, болтали о том о сём, но ни о чём серьёзном.

(11)И ещё ребята любили, когда я пускал с балкона бумажных голубей. (12)Точнее говоря, это были не совсем голуби. (13)Я научился делать из бумаги птичек, похожих на летающие блюдца.

(14)Совсем круглых, только со складкой посередине и с треугольным клювиком. (15)Они здорово летали, плавными широкими кругами. (16)Иногда ветер подымал их на приличную высоту и уносил со двора.

(17)Ребята толпой гонялись за каждым голубком — кто первый схватит! (18)Чтобы не было свалки, решено было заранее говорить, какого голубка я кому посылаю.

(19)Дело в том, что каждого голубка я разрисовывал фломастерами. (20)На одном рисовал всякие узоры, на другом — кораблики среди моря, на третьем — сказочные

города, на четвёртом — цветы и бабочек. (21)И всякие космические картинки. (22)И ещё много всего — получалось красиво и интересно.

(23)Ребятам это, конечно, нравилось, но я всё равно был среди них чужим. (24)И вдруг я расхотел пускать с балкона голубков.

(25)Я сделал последнего и — сам не знаю почему — нарисовал вечернее небо, оранжевое солнце на горизонте и дорогу, по которой идут рядом двое мальчишек.

(26)Хотя нет, я знал, почему нарисовал такое. (27)Хотелось, чтобы появился друг. (28)Не случайный, не на час, когда забегает поиграть в шахматы или послушать Пола Маккартни, а настоящий…

(29)Я пустил голубка с балкона, и ветер схватил и унёс его за тополя. (30)И я подумал: вот найдёт кто-нибудь, догадается, придёт ко мне…

(По В. Крапивину) *

* *Крапивин Владислав Петрович (род. в 1938 г.) — современный писатель, журналист, автор книг о детях и для детей, в том числе фантастически*

Жизненные ценности

(1)В дверь позвонили. (2)Из прихожей донеслись оживлённые голоса и смех. (3)Появились гости. (4)Солидные, хорошо одетые люди здоровались с хозяевами, подходили к столу, накладывали в тарелки закуску. (5)Дамы располагались в удобных мягких креслах; мужчины, образовав группки, беседовали друг с другом. (6)Семён Петрович поднял меня с места и представил гостям:

– (7)Вот Иван, самый большой оригинал из всех друзей моей дочери.

(8)Неожиданно попав в центр внимания, я был сильно смущён и, кажется, покраснел. (9)Гости заулыбались, с любопытством оглядывая меня, словно ожидая, что я немедленно докажу справедливость слов профессора.

(10)Он хлопнул меня по плечу:

– (11)Да, молодёжь нынче любопытная. (12)С ней надо говорить, надо общаться!

(13)Одна интересная дама повернулась ко мне:

– (14)Вот скажите мне, Ваня. (15)У меня дочь пятнадцати лет, и она целыми днями слушает какой-то визг. (16)У нас роскошная библиотека, большая, с редкими книгами, но она ничегошеньки не хочет. (17)Придёт из школы, кое-как уроки сделает, включит магнитофон и слушает до вечера.

– (18)Это у них называется «балдеет», — радостно сообщил один из гостей.

– (19)Дух противоречия, — убеждённо сказал другой.

– (20)А по-моему, — заявил подтянутый мужчина, — всё дело в избалованности. (21)Нынешние молодые люди живут как-то слишком легко, без трудностей.

– (22)О-о, это старая песня, — засмеялась дама. — (23)Получается, что если нам было тяжело, то пусть и им будет так же? (24)Глупо!

– (25)Наверное, глупо, — согласился подтянутый. (26)Он хотел что-то добавить, но замешкался.

(27)Семён Петрович решил переменить тему:

– (28)Я надеюсь, что вы не будете против, если моя дочь что-нибудь споёт?

– (29)Это будет прекрасно, — томно сказала пожилая дама.

(30)Семён Петрович повернулся к Кате, не замечая её угрюмого взгляда:

– (31)Катюша, давай-ка «Соловья» алябьевского…

– (32)Значит, «Соловья»? — спросила Катя.

(33)Она мягко коснулась пальцами клавиш — нежно зазвучало вступление. (34)Катя запела тоненьким голоском:

– (35)Соловей мой, соловей,

Чтоб ты сдох, Бармалей!..

– (36)Что? — растерянно пробормотала мама.

(37)Катя перестала играть и повернула к нам разгорячённое лицо:

– (38)Я этого «Соловья» с пяти лет пою. (39)К нам гости — тут я со своим «Соловьём»! (40)Я, если б он мне попался, этот соловей, его на медленном огне изжарила бы!..

(41)Оторопевшие гости не могли вымолвить ни слова.

(По К. Шахназарову) *

* *Шахназаров Карен Георгиевич (род. в 1952 г.) — советский и российский кинорежиссёр, сценарист, продюсер.*

Внутренний мир человека

(1)Я не любила эту куклу. (2)Её рост и внешние достоинства сравнивали с моими. (3)Взрослые наивно полагали, что доставляют мне удовольствие, когда с дежурно-умилительными интонациями восхищались мною.

– (4)Кто из вас девочка, а кто кукла — трудно понять! — восклицали они.

(5)Я была хрупкой и малорослой. (6)И оттого что все, восхищаясь этой хрупкостью, именовали её «изяществом», а меня — «статуэткой», мне не было легче. (7)Я была самолюбива, и мне казалось, что «статуэтка» — это лишь вещь, украшение, а не человек, тем более что статуэтками называли и трёх фарфоровых собак, оцепеневших на нашем буфете. (8)Воспитательница в детском саду, словно стараясь подчеркнуть мою хлипкость, выстроила нас всех по росту, начиная с самых высоких и кончая мною. (9)Воспитательница так и определяла моё место в общем строю: «замыкающая».

– (10)Не огорчайся: конец — делу венец! — услышала я от отца. (11)Венца на моей голове, увы, не было, а венценосные замашки имелись, и командовать я очень любила.

(12)Царство игрушек по-своему отражало реальный мир, никого не унижая, а меня возвышая. (13)Миниатюрностью своей игрушки подчёркивали, что созданы как бы для подчинения мне. (14)А безраздельно хозяйничать — я сообразила уже тогда — очень приятно. (15)Я распоряжалась маршрутами автомобилей и поездов, повадками и действиями зверей, которых в жизни боялась. (16)Я властвовала, повелевала — они были бессловесны, безмолвны, и я втайне подумывала, что хорошо было бы и впредь обращаться с окружающими подобным образом.

(17)Но вдруг, когда мне исполнилось шесть лет, появилась огромная кукла с круглым лицом и русским, хотя и необычным для игрушки, именем Лариса.(18)Отец привёз куклу из Японии, где был в командировке. (19)Я должна была бы обрадоваться заморской игрушке. (20)Но она была выше меня ростом, и я, болезненно на это отреагировав, сразу же её невзлюбила.

(21)Мама нередко вторгалась в мои взаимоотношения с игрушками.

– (22)Любишь наказывать? — вполушутку спросила как-то она. (23)И вполусерьёз добавила: — (24)С бессловесными так поступать нельзя. (25)Они же не могут ответить ни на добро, ни на зло.

– (26)На зло отвечают, — возразила я.

– (27)Чем?

– (28)Подчиняются.

– (29)Это оскорбительно. (30)Не для них… (31)Для тебя! — уже совсем серьёзно сказала мама.

(32)Она, похоже, хотела, чтоб я отказалась от абсолютной власти над своими игрушками. (33)Она вообще была против самовластия. (34)Но я к этому отвращения не питала.

(35)С появлением Ларисы многое изменилось. (36)Игрушечное царство, казалось, послушно задрало голову и взирало на неё снизу вверх. (37)Так смотрела на Ларису и я. (38)Как кукла она была более необычной, поражающей воображение, чем я как человек. (39)Мы и куклой-то её называть не решались, а именовали только Ларисой.

(По А. Алексину) *

* *Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) — писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и другие, повествуют главным образом о мире юности.*

Неуверенность в себе

(1)Как только у нас с Пашкой появлялся какой-нибудь замысел, неизменно

оказывалось, что в прошлом кто-то уже опередил нас. (2) Нельзя же заново изобретать самолёт, если его давно изобрели, или открывать новые страны, если всё уже пройдено вдоль и поперёк! (3)Выходило, что мы родились слишком поздно и пути к славе для нас закрыты.

(4)Я высказался в этом смысле дома, но мать, удивлённо посмотрев на меня, сказала:

– (5)Экий ты, оказывается, ещё дурачок!.. (6)Иди вон на огороде славу зарабатывай…

(7)Пашка заметил:

– (8)Почему это матери, как правило, детей любят, а не понимают? (9)Вот раньше было: (10)«Благословляю тебя, сын мой, на подвиг…». (11)А тут — на огород!..

(12)Пашка хочет быть как Циолковский и всегда что-нибудь изобретает. (13)Он построил машину, чтобы наливать воду в колоду для коровы. (14)Машина, правда, сама воду наливать не могла; зато если налить вёдрами, то потом достаточно нажать железный рычаг, чтобы бочонок опрокинулся и половина воды попала в колоду.

(15)Мать поругивала Пашку за то, что он нагородил у колодца всяких палок, однако всё обходилось. (16)Но однажды Пашкин отец в сумерки наступил на рычаг, и его окатило с головы до ног. (17)Он тут же изломал Пашкину «механику» и задал бы самому изобретателю, да тот убежал.

(18)У меня нет пристрастия к технике — мне больше нравится читать. (19)Но все книги, какие я мог достать, уже читаны-перечитаны, и я попробовал написать свою.

(20)Я выпросил у отца большую конторскую книгу, вывел на обложке: «(21)Летопись. (22)Древняя, средняя и новая история деревни Тыжи, сочинённая Н.И. Березиным».

(23)Вначале описание деревни шло гладко. (24)Но после слов: «Заложена деревня в…» — начались затруднения. (25)Основание деревни относилось, конечно, к древней истории, но никаких древностей мне обнаружить не удалось.

(26)Ничего, к сожалению, не вышло и со средней историей. (27)Дед Савва, к которому я пристал с расспросами, отмахнулся:

– (28)Какая, к лешему, у нашей деревни история! (29)Бедовали в этой чащобе — вот и вся история.

(30)История Тыжи осталась ненаписанной, но в деревне меня теперь зовут не иначе как «Колька-летописец»…

(31)Да, мы могли бы удивить мир, но пока не знали чем.

(По Н. Дубову) *

* *Дубов Николай Иванович (1910—1983 гг.) — русский советский писатель. Автор пьес «У порога», «Наступает утро», повестей «На краю земли», «Огни на реке», «Небо с овчинку» и др., романа «Горе одному». В основном его произведения освещают острые проблемы, переломные события в жизни молодого человека.*

Взаимовыручка

(1)Началась эта му́ка в далёкие годы, в классе пятом или шестом.

(2)Глебов жил в своём двухэтажном подворье рядом с серым, громадным, наподобие целого города или даже целой страны, домом в тысячу окон. (3)Серая громада висла над переулочком, по утрам за́стила солнце, а вечерами сверху летели звуки музыки. (4)Там, в поднебесных этажах, шла, казалось, совсем иная жизнь, чем внизу. (5)И у Глебова с малолетства появилось жженье в душе: то ли зависть, то ли ещё что.

(6)Мать Глебова работала билетёршей в кинотеатре. (7)И вот служба её в кинотеатре — захудаленьком, в одном из замоскворецких переулков — составляла предмет немалой гордости Глебова и отличала его величайшей льготой: на любой фильм мог пройти без билета. (8)А иногда в дневные часы, когда мало зрителей, мог даже товарища провести, а то и двух.

(9)Эта привилегия была основой могущества Глебова в классе. (10)Он пользовался ею расчётливо и умно́: приглашал мальчиков, в дружбе которых был заинтересован, от которых чего-либо ждал взамен, иных долго кормил обещаниями, прежде чем оказывал благодеяние, а некоторых мерзавцев навсегда лишал своей милости. (11)Продолжалась глебовская власть — ну не власть, а, скажем, авторитет — и оставалась непоколебленной, пока не возник Лёвка Шулепа. (12)Первые дни он держался надменно, поглядывал своими голубенькими глазами на всех сонно и презрительно, ни с кем не заводил разговор и сел за одну парту с девчонкой. (13)Его решили проучить, вернее, унизить. (14)А ещё точнее — опозорить. (15)Глебов горячо подговаривал расправиться с Шулепой, который ему не нравился, но в последний миг

решил не участвовать в расправе.

(16)Мальчишки — их было человек пять — зазвали Лёвку после уроков на задний двор, окружили, о чём-то заспорили, и вдруг Медведь, главный силач класса, охватил Лёвку за шею, опрокинул его рывком навзничь, остальные с криками «ого-го!» набросились, Лёвка сопротивлялся, бил ногами, но его, конечно, смяли, скрутили, кто-то сел ему на грудь. (17)И вдруг раздался громкий треск, будто взорвалась хлопушка или лопнула автомобильная шина. (18)Тут все пятеро кинулись в стороны, Лёвка поднялся на ноги, а в руке он держал пугач, который стрелял особыми пистонами. (19)Шулепа вышел из этой истории победителем, а нападавшие были посрамлены и впоследствии всячески старались помириться и подружиться с ним.

(20)Так Лёвка из человека, которого собирались на весь свет опозорить, превратился в героя. (21)И с этого, наверное, времени зародилась у Глебова та тяжесть на дне души… (22)И нет несчастнее людей, поражённых завистью. (23)И не было сокрушительней несчастья, чем то, что случилось с Глебовым в миг его, казалось бы, высшего торжества.

(По Ю. Трифонову) *

* *Трифонов Юрий Валентинович (1925—1981 гг.) — русский советский писатель, мастер «городской» прозы.*

Любовь

(1)У дверей стояло трое ребятишек: две девочки и мальчик. (2)Дед догадался, что они одноклассники внука.

— (3)Андрей Лысов тут живёт? — спросила полноватая девочка.

— (4)Тут, — признался дед.

— (5)Мы пришли высказать ему осуждение, — продолжила девочка.

(6)Дед и внук стояли рядом и на сто процентов были роднёй: круглолицые, голубоглазые. (7)Наверное, поэтому часть Андрейкиной вины само собой переходила на деда.

— (8)У нас в дневнике всё записано, — сказала толстушка и передала тетрадку

Александру Клавдиевичу.

— (9)«Дёргал Аллу Иванову за волосы», — грустно прочитал дед.

— (10)А ещё, когда Иванова заплакала, он обозвал её мокрой цаплей, а извиняться не стал, — сказал мальчик.

(11)Когда ребята ушли, дед обратился к внуку:

— (12)Так зачем же ты эту Аллу за косу дёргал?

— (13)Так просто, — буркнул мальчик.

— (14)А я вот знаю и зачем, и почему! (15)Она тебе нравится, а на тебя, противного троечника, внимания не обращает. (16)Так, что ли?

(17)Сломленный дедовой проницательностью, внук заговорил:

— (18)Мы же раньше с ней дружили! (19)А теперь она всё: Толик да Толик. (20)Я раньше её дёрну — она меня книжкой — хлоп! (21)И обоим смешно! (22)А сейчас чуть-чуть тронешь — как плакса плачет…

(23)Дед слушал его внимательно, прищурив глаза.

— (24)Извиняться тебе перед ней придётся, и так, чтобы это отложилось в садовой твоей голове надолго. (25)Мы сейчас идём к ней, ты извиняешься и даришь ей цветы, а иначе миру между нами не бывать.

(26)Миром с дедом внук дорожил, и поэтому он понял, что не миновать ему ни извинения, ни цветов.

(27)В его голове плохо запечатлелось, как в магазине они купили пахнущие горелой листвой и снегом астры, как брели по осеннему парку прямо к Алкиному дому.

(28)Перед выходом из парка дед остановился, они сели на скамейку.

— (29)Небось, никогда девчонкам цветы не дарил? (30)Ты хоть посмотри, что даришь.

— (31)Чего смотреть, на болонок похожи, — убитым тоном сказал внук.

— (32)Нет, болонка — собака глупая и трусливая, а эти чистые, гордые, как изо льда, и

ведь смелые, до самого снега на клумбах стоят.

(33)Мальчик взглянул на цветы и подумал: «И правда, какие чистые… ледянистые…»

(34)Вся встреча с Алкой Ивановой пронеслась в смятённой душе Андрейки, словно вихрь. (35)Уже перед самой дверью он рванулся было, чтобы котёнком прыснуть вниз. (36)Но дед кратко сказал: «Не трусь!» — и поставил его рядом с собой.

(37)Дверь открыла Алла. (38)Андрейка кое-как промямлил извинения и сунул в руки потрясённой Алки астры:

— (39)Это тебе… эти ледянистые…

(40)Алка ничего ему не ответила, осторожно взяла цветы, словно они впрямь были изо льда и могли разбиться, и вдруг астры отразились в её милых от удивления девчоночьих глазах.

(По В. И. Одноралову) *

* *Одноралов Владимир Иванович (род. в 1946 г.) — оренбургский поэт, прозаик, публицист и детский писатель.*

Доброта

(1)На первой перемене Жека укладывал в портфель учебники. (2)Мчавшаяся между партами Лисапета Вторая задела портфель — он, перевернувшись, брякнулся об пол. (3)Из него покатились шариковые ручки, какие-то гвоздики и шурупы, а ещё веером разлетелась пачка больших цветных портретов.

(4)С неожиданной суетливостью Жека метнулся их подбирать, отталкивая любопытных. (5)Но кто-то успел поднять несколько глянцевых листов. (6)И здесь началось…

– (7)Ребята, он сдвинулся по фазе! (8)Он артисток собирает!

(9)Стиснув до побеления губы, зыркая исподлобья, Жека пытался отнять портреты, а их перебрасывали с парты на парту, передавали по кругу — началась детская игра «А ну-ка, отними!»…

(10)Вошла учительница — все кинулись по местам, и начался урок. (11)Лисапета

Вторая нацарапала записочку Вере, своей соседке по парте: «Жеку теперь засмеют!».

(12)Вера незаметно обернулась к Жеке. (13)Тот сидел сгорбясь — локти в парту, кулаки под закаменевшим подбородком, — взглядом упирался в одну точку — от всех отгорожен, замкнут, защёлкнут на замок. (14)Просто дикарь, да и только.

(15)После урока Лисапета подскочила к Вере:

– (16)Верка, я кое-что тебе расскажу, и ты просто умрёшь от удивления! (17)Я видела на почтамте, как Жека отправлял толстые конверты!

– (18)Кому отправлял?

(19)Лисапета, конечно, была неплохая девчонка, но, когда она появлялась, сразу хотелось съёжиться — так она суетилась и вращалась. (20)Казалось, будто Лисапета находится в нескольких местах сразу.

– (21)Помнишь, в нашем классе училась Лиза Ракитина, которая на север уехала? (22)Вот этой Лизке он и отправлял письма!

– (23)Не врёшь?

– (24)Верка, я своими глазами видела: город Норильск, улица, дом, и вот такими буквами — Е. Ракитиной!.. (25)Я специально подошла поближе, чтобы адрес прочитать! (26)Она уехала, а он, представь, страдает! (27)Вот завтра в классе посмеёмся!

– (28)Тебе его не жалко?

– (29)Хоть одну-то извилину надо иметь! (30)Кому нужны эти дурацкие тайны? — фыркнула Лисапета. — (31)И эта Лизка Ракитина тоже хороша! (32)Помню, как она собирала этих актёров, чьи фотографии из журнальчиков выстригала! (33)Мещанка!

– (34)Она совсем не мещанка. (35)Просто она плохо видит. (36)Сидит в кино, а видит одни пятна, и ей хотелось запомнить актёров… (37)Вот он и отправляет ей открытки любимых актёров… (38)А Лизка Ракитина больше не живёт в Норильске! (39)Опять переехала, а он, наверное, не знает.

(40)Лисапета вдруг явственно увидела, как толстые Жекины конверты, обклеенные марками, цепочкой движутся на север, к городу Норильску. (41)Летят, будто стая гусей. (42)Их сбивает ветром, и они теряются где-то в снегах, пропадают бесследно.

(43)И ей почему-то стало очень жалко, что эти письма не дойдут до своего адресата…

(По Э. Шиму) *

* *Шим Эдуард Юрьевич (1930—2006) — русский советский писатель, драматург. Автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.*

Счастье

(1)В детстве я ненавидела утренники, потому что к нам в садик приходил отец. (2)Он садился на стул возле ёлки, долго пиликал на своём баяне, пытаясь подобрать нужную мелодию, а наша воспитательница строго говорила ему: «Валерий Петрович, повыше!» (3)Все ребята смотрели на моего отца и давились от смеха. (4)Он был маленький, толстенький, рано начал лысеть, и, хотя никогда не пил, нос у него почему-то всегда был свекольно-красного цвета, как у клоуна. (5)Дети, когда хотели сказать про кого-то, что он смешной и некрасивый, говорили так: «Он похож на Ксюшкиного папу!»

(6)И я сначала в садике, а потом в школе несла тяжкий крест отцовской несуразности. (7)Всё бы ничего (мало ли у кого какие отцы!), но мне было непонятно, зачем он, обычный слесарь, ходил к нам на утренники со своей дурацкой гармошкой. (8)Играл бы себе дома и не позорил ни себя, ни свою дочь! (9)Часто сбиваясь, он тоненько, по-женски, ойкал, и на его круглом лице появлялась виноватая улыбка. (10)Я готова была провалиться сквозь землю от стыда и вела себя подчёркнуто холодно, показывая своим видом, что этот нелепый человек с красным носом не имеет ко мне никакого отношения.

(11)Я училась в третьем классе, когда сильно простыла. (12)У меня начался отит. (13)От боли я кричала и стучала ладонями по голове. (14)Мама вызвала скорую помощь, и ночью мы поехали в районную больницу. (15)По дороге попали в страшную метель, машина застряла, и водитель визгливо, как женщина, стал кричать, что теперь все мы замёрзнем. (16)Он кричал пронзительно, чуть ли не плакал, и я думала, что у него, наверное, тоже болят уши. (17)Отец спросил, сколько осталось до райцентра. (18)Но водитель, закрыв лицо руками, твердил: «Какой я дурак!» (19)Отец подумал и тихо сказал маме: «Нам потребуется всё мужество!» (20)Я на всю жизнь запомнила эти слова, хотя дикая боль кружила меня, как метель снежинку. (21)Он открыл дверцу машины и вышел в ревущую ночь. (22)Дверца захлопнулась за ним, и мне показалось, будто огромное чудовище, лязгнув челюстью, проглотило моего отца. (23)Машину качало порывами ветра, по заиндевевшим стёклам с шуршанием осыпался снег. (24)Я

плакала, мама целовала меня холодными губами, молоденькая медсестра обречённо смотрела в непроглядную тьму, а водитель в изнеможении качал головой.

(25)Не знаю, сколько прошло времени, но внезапно ночь озарилась ярким светом фар, и длинная тень какого-то великана легла на моё лицо. (26)Я прикрыла глаза и сквозь ресницы увидела своего отца. (27)Он взял меня на руки и прижал к себе. (28)Шёпотом он рассказал маме, что дошёл до райцентра, поднял всех на ноги и вернулся с вездеходом.

(29)Я дремала на его руках и сквозь сон слышала, как он кашляет. (30)Тогда этому не придали значения. (31)А он долго потом болел двусторонним воспалением лёгких. (32)Эта ночь перевернула моё представление об отце.

(33)…Мои дети недоумевают, почему, наряжая ёлку, я всегда плачу. (34)Из тьмы минувшего ко мне приходит отец, он садится под ёлку и кладёт голову на баян, как будто украдкой хочет увидеть среди наряженной толпы детей свою дочку и весело улыбнуться ей. (35)Я гляжу на его сияющее счастьем лицо и тоже хочу ему улыбнуться, но вместо этого начинаю плакать.

(По Н. Аксёновой)*

* *Аксёнова Нина – современный детский поэт и прозаик.*